

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/nekrasov/aihenv_nekras.html.

При разборе поэзии Некрасова часто говорят о нем как о человеке и выносят ему суровый приговор, - правда, не суровее того, каким он осудил себя сам:

Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу.

Мы же не будем касаться его личности, потому что она умерла и в русском обществе живут не его пороки и недостатки, а его стихотворения. Однако и не выходя за пределы последних, слишком легко заметить, что он явственно и болезненно видел ту пропасть, которая отделяла его идеалы и мечты от его действительности. Может быть, это и придало многим его стихам оттенок искренней меланхолии, благородной печали. Он не скрыл в своих произведениях, что его глодала тяжкая болезнь: он не уважал самого себя. Он страдал от себя, болел собою. Его лирические строфы показывают, как ужас самопрезрения проникал в его душу, как изнывал писатель в неисцелимой тоске и, словно ребенок, ждал и жаждал спасения от матери, со стороны. "Выводи на дорогу тернистую!.." Но, разумеется, на тернистую дорогу не выводят, а выходят. И со стороны не могло явиться того, чего не было в сердце и воле самого поэта, так что до конца дней своих томился Некрасов от горькой неудовлетворенности, от того, что он не мог прямо и смело смотреть в глаза своей взыскательной совести и в жизненной вялой дремоте "заспал" свою душу. Он не взмолился на вершину собственных требований и погрязал внизу, в житейской тине, полный отчаяния, слез и стыда. Он, по своему выражению, остывал, черствел с каждым годом; "хорошо умереть молодым", но Некрасов пережил свою моральную молодость. Правда, он хранил поблекшие цветы с ее могилы и хотел спастись этим советом:

А станешь стареться, нарви
Цветов, растущих на могилах,
И ими сердце обнови.

Но одними могилами жить нельзя, сердцу нет обновления, и "бог старости, неумолимый бог" старости не столько физической, сколько нравственной, все более и более осыпал его голову сединой, делал его больным и угрюмым, покрывал его когда-то пламенную душу серым пеплом безразличия. Сама муза отвернулась от него, и, поэт, он пережил высшее горе поэта - музу неблагосклонную, музу разлюбившую:

И муза вовсе отвернулась,
Презренья горького полна.

.....
Жизнью измят я... и скоро я сгину...

.....
И про убитую музу мою
Я похоронные песни пою.

Что же, разве Некрасов представляет в этом смысле какое-нибудь разительное исключение, разве только ему одному присуще это одеревенение, эти медленные и длительные похороны самого себя, когда "каждый день" становится "убийцей какой-нибудь мечты"? Разве не все мы делаемся менее и менее впечатлительны к добру и злу и у многих ли душа не превратилась в равнодушие? Наконец, разве он не мог найти себе оправдания и облегчения в словах великого Пушкина, что вне минут художественного творчества поэт ничтожнее всех детей мира?

На это надо сказать, что, действительно, Некрасов несколько не был хуже других, и этот кающийся преступник, поэт покаяния, этот страстный поклонник дяди Власа с его веригами если и не мог оправдаться на внутреннем Страшном суде, перед самим собою, то уже наверное имел право смотреть в глаза "нам, другим". Если укоризненно взирали на него со стен чужие портреты, то это были